

Клочков Виктор Викторович

ПРАВО, РЕЛИГИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОРОЛЕВСКОЙ ПРЕРОГАТИВЫ В АНГЛИИ XVII В.

Статья посвящена рассмотрению правовых и религиозных представлений как важных факторов формирования английской идентичности и ограничения прерогатив английской короны в XVII веке. Автор анализирует образ Стюартов в общественном мнении эпохи и взгляды известных общественных деятелей на королевскую прерогативу. Особое внимание уделяется воззрениям пуритан (как представителей одного из наиболее ярких и влиятельных протестантских течений) на историю, право, труд и государственное управление.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 51-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Однако в официальном издании «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет» С. П. Мокринский приводит многочисленные ссылки на отчеты ревизоров, опровергающих частое утверждение, будто мировые съезды в силу солидарности их членов, и решающих дела в первой инстанции, и пересматривающих их во второй, придерживаются «утвердительно-тенденции», проявляющейся в готовности мировых судей взаимно утверждать постановляемые ими решения. Из данных за 1884-1888 гг. видно, что в губерниях с выборными мировыми судьями отменялось 24,8% решений мировых судей, а в губерниях с мировыми судьями по назначению – от 19,2% (в областях Средней Азии) до 24,7% (в Варшавском округе) [6, с. 50-51].

Необходимо также отметить, что вышеописанная модель функционирования мировых съездов была введена лишь на меньшей части Российской Империи – так в Закавказье, Сибири, на территории Средней Азии и Казахстана мировых съездов не существовало, а второй инстанцией для мировых судов являлся окружной суд.

На современном этапе развития судебной системы в России законодатель избрал другой способ организации апелляционных судов и отнес рассмотрение жалоб на решения и определения мировых судей к компетенции федерального суда общей юрисдикции – районного суда. Основанием для этого стало изменение сущности мировых судов, являвшихся прежде отдельной ветвью судебной системы, и отнесение их к числу судов общей юрисдикции субъектов Российской Федерации. Однако, несмотря на это обстоятельство, изучение съездов мировых судей в контексте реформы 1864 года призвано использовать исторический опыт для определения направления развития судов апелляционной инстанции в современной России.

Список литературы

1. Головачев А. А. Десять лет реформ // Вестник Европы. СПб., 1872.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1.
3. Лонская С. В. Мировой судья в судебной системе пореформенной России // Правоведение. 1995. № 3.
4. Мокринский С. П. Выборный мировой суд // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. СПб.: Сенатская типография, 1914. Т. 2.
5. Объяснительная записка к проекту Учреждения судебных мест. СПб.: Сенатская типография, 1863.
6. Судебная реформа / ред. Давыдова Н. В. и Полянского Н. Н. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915.
7. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Издание Государственной Канцелярии, 1867. Ч. 3.
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1912. Т. I.

CONGRESSES OF MAGISTRATES DEVOTED TO 1864 REFORM

Svetlana Vladimirovna Ivanoglo
Department of State-Legal Disciplines
Penza State University
magpie-sv@yandex.ru

The article is devoted to studying the structure and functions of the magistrates' congress in the second half of the XIXth century. The author pays special attention to the institution of magistrates' congresses in Penza province and uses the materials of State Archive of Penza region in the research.

Key words and phrases: magistrates' congresses; appeals instance; congress chairman.

УДК 94(420)

Статья посвящена рассмотрению правовых и религиозных представлений как важных факторов формирования английской идентичности и ограничения прерогатив английской короны в XVII веке. Автор анализирует образ Стюартов в общественном мнении эпохи и взгляды известных общественных деятелей на королевскую прерогативу. Особое внимание уделяется воззрениям пуритан (как представителей одного из наиболее ярких и влиятельных протестантских течений) на историю, право, труд и государственное управление.

Ключевые слова и фразы: королевская прерогатива; династия Стюартов; пуритане; Англия в раннее Новое время.

Виктор Викторович Клочков, к.и.н.

Кафедра теории права

Таганрогский технологический институт Южного федерального университета

viktklochkov@mail.ru

ПРАВО, РЕЛИГИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОРОЛЕВСКОЙ ПРЕРОГАТИВЫ В АНГЛИИ XVII В. ©

Одной из фундаментальных потребностей человека является потребность в осознании происходящего, объяснении его и выстраивании своей жизни в соответствии с представлениями о сути вещей, природе

человека и его предназначении. Долгое время на эту потребность отвечало религиозное сознание, поскольку трансцендентность религии позволяла включить человеческое существование в контекст вечности, придавая смысл устройству мира и бытию людей в нем.

Однако не менее важной потребностью является стремление к структурированию социальной жизни, приданию ей порядка и определенности с целью регулирования социальных взаимодействий. При этом оказывается, что правопорядок в обществе, формальные институты, структуры, нормы и процедуры, которыми он регулируется, обладают прочной внутренней связью с фундаментальными воззрениями человека относительно смысла своей жизни и конечной цели, то есть с верой. Придавая социальной жизни людей формальный порядок, свою ценностную природу право обретало извне, в системе религиозных ценностей.

Наконец, существование человека в обществе немислимо вне так или иначе осознаваемой им принадлежности к этнокультурному, экономическому и политическому единству, которое принято именовать нацией. Национальное самосознание, наряду с религией как формой идентичности и правом как формой социальной регуляции, является одним из важнейших факторов осознания человеком себя не только в мире повседневности, но и во всем разнообразии социальных, религиозных и политических практик.

В рамках статьи предпринимается попытка проследить, как религиозные и правовые представления в эпоху Стюартов влияли на формирование английской идентичности и каким образом эти представления способствовали существенному ограничению прерогативных полномочий английской короны и формированию конституционной монархии в Англии.

В правление Якова I (1603-1625) и Карла I (1625-1649) в английском обществе существовал отчетливо осознаваемый диссонанс между формирующимся национальным чувством и монархическими устремлениями. Те группы населения, которые в елизаветинскую эпоху обрели идентичность на основе причастности к политической организации, рассматривали монарха в качестве фокуса этой организации. Они хотели следовать елизаветинской традиции в обеспечении королевской прерогативе возможно большего простора. Взгляды же сторонников парламентской оппозиции опирались на древнюю традицию прирожденных прав (birth rights) англичан, существовавших до нормандского нашествия [2, с. 32-46].

Личные качества Якова I не вполне отвечали сформировавшемуся в эпоху Елизаветы идеалу монарха. Шотландец, наполовину чужой англичанам, сын католички Марии Стюарт, воспитанный шотландскими пресвитерами, но далекий от пуританского духа, совершенно не царственный по внешности и образу жизни, не обладающий той харизмой, которая была присуща Елизавете, он зачастую шокировал подданных то превышением королевской прерогативы, то недостаточным ее применением [4].

Уже в первые дни правления Якова I стало ясным направление его религиозной политики. В 1604 г. король в ответ на петицию пуританских священников созвал совещание в Хемптон-Корт. Требования пуритан, предлагавших отказаться от крестного знамения, поклонов при имени Христа во время службы и других обрядов, встретили сопротивление со стороны англиканского епископата. Когда же пресвитериане заговорили о необходимости возобновить религиозные собрания для толкования Писания под руководством пресвитеров, король заявил: «Если вы хотите собрания пресвитеров на шотландский манер, то оно так же мало согласуется с монархией, как черт с Богом. Тогда начнут собираться Джек с Томом, Уилл с Диком и будут осуждать меня, мой совет, всю нашу политику... Не будет епископа, не будет и короля». Король распустил совещание, произнес угрозы в адрес пуритан: «Я заставлю их подчиниться. Не то вышвырну их из страны или сделаю с ними что-нибудь еще хуже» [3, с. 61]. Стало очевидным, что Яков I не намерен трансформировать англиканскую церковь в сторону пуританизма.

Наряду с этим в последние годы правления Якова I и особенно при Карле I среди английских епископов, возглавляемых архиепископом Кентерберийским У. Лодом, получает распространение течение, получившее позднее название англо-католицизма. Оно характеризовалось стремлением возвыситься над богословскими спорами и вернуться к поре христианского единства. Сторонники Лода призывали к терпимости и широте в догматических вопросах, гордились своим уважением к науке и свободному исследованию. Не желая формального возврата в лоно католической церкви, они реально способствовали сдвигу в сторону католицизма. Это вызвало острую реакцию, поскольку общественное сознание пронизывал страх перед католической угрозой. Этот страх был унаследован от отцов и дедов, переживших времена Армады, когда Англия могла утратить не только протестантскую веру, но и независимость.

Многим подданным казалось, что политика Якова и Карла угрожала самому существованию английского народа и воспринималась как покушение на «английские свободы». Эта невозможность быть англичанами в Англии вынудила около 60 тыс. человек покинуть страну¹. Одной из серьезных причин для эмиграции в 1620-х гг. было чувство, что «Бог оставляет Англию», потому что ее народ более достоин Его доверия и поддержки. Разочарование и подозрения вынудили многих переселиться в Новую Англию. Многие верили в то, что папистский заговор имеет целью покончить с национальной независимостью страны: это казалось самым разумным объяснением того, что Бог явно лишил Англию своей милости. «Бог гневается, – заявлял один из пуританских проповедников того времени, – а он никогда не гневается ни на что, кроме греха»² [10].

¹ «Общины эмигрантов в Нидерландах и на северо-восточном побережье Америки в начале XVII в. были своего рода лабораторией, в которой производились религиозные опыты, зрела церковная и политическая мысль, которая в 1640-е годы вернулась на остров совсем не похожей на робкую начинающую ученицу» [3, с. 73].

² Только после 1640 г. эмиграция в Новую Англию стала спадать и люди стали оставаться в Англии «в ожидании Нового Мира».

Грех лежал на нации, на церкви и на каждой отдельной личности. Таково было умонастроение английского общества в канун революции.

Другим фактором, серьезно влиявшим на английское национальное сознание, была этноконфессиональная и политическая ситуация в королевствах Шотландии и Ирландии.

В 1603 г. королевства Англии и Шотландии, имеющие давние связи, восходящие к XI в., были объединены личной унией. Однако это были фактически два самостоятельных государства с различными законодательством, парламентом и церквями. Якову I принадлежала идея дополнить личную унию королевств унификацией законодательства и церковью и создать единое государство – Великобританию. Сам термин «Великобритания», использовавшийся в Средневековье как географическое понятие, впервые употребляется в трактате 1547 г. как название для возможного политического союза двух государств [7, р. 546]. План Якова был изложен им английскому парламенту в 1604 г. Король взывал к географии, которая сделала два королевства «подобными маленькой Вселенной, заключенной в себе самой». Наиболее выразительна одна из его речей, в которой он прямо говорит: «Что сочетал Бог, того пусть не разлучает человек. Я – муж, а весь остров – моя законная жена. Я – глава, а остров – мое тело; я – пастырь, а он – мое стадо...» [11, р. 135]. В своих декретах король старался избегать упоминания «Англии» или «Шотландии», предпочитая использовать прежде неизвестные термины «Южная Британия» и «Северная Британия».

Однако реакция английских парламентариев на данное предложение была более чем прохладной. Само название «Великобритания» оскорбляло английские национальные чувства. Когда в 1607 г. Яков I говорил парламенту возвышенные речи о славном будущем двух соединившихся королевств, члены палаты общин указывали ему на то, что шотландцы всегда были нищими бунтовщиками. Они сравнивали Англию с плодородным пастбищем, на которое готовится наброситься голодное чужое стадо¹ [6, р. 137]. Шотландский парламент выказал не больше энтузиазма по поводу унии. Поэтому титул Якова I, провозгласившего себя «королем Великобритании, Франции и Ирландии» (1604 г.), не был признан законодателями Англии и Шотландии. Шанс объединения двух королевств на этот раз был упущен.

В Шотландии Реформация была проведена раньше, чем в Англии. Протестантизм утвердился там в 1560 г. в форме кальвинизма. Шотландские заветы были уникальными в истории европейской Реформации, поскольку объединяли аристократию с простым народом против чужеземного и католического правления. В литературе той поры Англия и Шотландия часто изображались как Иудея и Израиль, первоначально один народ, разделенный идолопоклонством. Шотландцы, как и англичане, полагали, что они избранная нация, предназначенная для великих дел и спасения, с миссией восстановить религиозную чистоту и единство христианского мира.

Карл I не осознавал, насколько тесно кальвинистский культ переплелся у большинства шотландцев с национальными и религиозными чувствами. В 1637 г. он попытался ввести в Шотландии новый молитвенник, прославший «литургией Лода». Это вызвало всеобщее национально-религиозное недовольство, вылившееся в 1638 г. в форму национального Ковенанта². Ковенантеры видели в попытке Карла силой навязать свою религию Шотландии нарушение их национальной независимости. Подписание Ковенанта проходило с большим энтузиазмом: текст его в течение двух дней был подписан практически всем населением Эдинбурга. Несмотря на уступки Карла, церковная ассамблея Шотландии в 1638 г. отменила не только новый молитвенник, но и сам епископат, что сделало войну с королем неизбежной.

Королевская армия не смогла отстоять английские границы, шотландцы без труда отбросили англичан и заняли почти весь северо-восток страны. В 1639 г. ковенантеры обратились к английскому народу, изъявляя ему свои дружественные чувства и подчеркивая, что они воюют главным образом с врагами истинной веры, которые хотят установить католицизм и в Шотландии, и в Англии. Шотландцы полагали, что Англия, как и они, претендующая на то, чтобы быть избранной нацией, должна желать полного объединения с Шотландией в религии.

Национальные чувства англичан не сплотили их в этот момент вокруг королевского трона. Напротив, в Лондоне открыто радовались поражению королевских войск при Ньюберне, а оппозиционные королю английские пэры вели тайные переговоры с ковенантерами. Как можно видеть, антиабсолютистские и антипапистские настроения в английском обществе в этот момент возобладали над чувством преданности королевской власти и страхом иностранного вторжения. Эти события послужили детонатором, ускорившим крах абсолютизма в Англии.

Этноконфессиональная ситуация в Ирландии в первой трети XVII в. была диаметрально противоположна шотландской. Государственная связь Англии с Ирландией, восходящая к XII в.³, на протяжении столетий реализовывалась в захвате англичанами ирландских земель. При этом англичане, в силу этнических различий, рассматривали местное кельтское население как низшую расу. Ирландия не была затронута Реформацией. Не только кельтское население сохранило верность католицизму, но и английские колонисты остались, по большей части, приверженцами католической веры. Политика «плантаций» (сгон ирландцев с земли и передача ее англичанам), проводимая со времен Елизаветы, привела к тому, что на одной четвертой

¹ В 1617 г. сам Яков при открытии парламента в Эдинбурге заявлял своим землякам, что они варвары и им следует перенимать у англичан политические порядки, как они уже перенимают у них табак и костюм.

² Первый национальный Ковенант, или исповедание веры, осуждавший епископальную церковь, был принят Генеральным собранием Шотландии в 1581 г. Он был подписан Яковом, в то время королем Шотландии, и стал обязательным для всех его подданных. В 1590 и 1596 гг. он был подписан вновь. Подписавшие Ковенант в 1638 г. брали на себя торжественное обязательство сохранять религию в том виде, в котором она существовала в 1581 г., и не принимать никаких нововведений.

³ Еще Генрих II (1154-1189) провозгласил себя верховным лордом острова.

части территории Ирландии обосновались английские пуритане и шотландские пресвитериане. Если в 1619 г. в Ольстере насчитывалось 8 тыс. семей колонистов, то в канун великого ирландского восстания 1640-1641 гг. их насчитывалось уже 120 тыс. [3, с. 180]. Англичанам было запрещено вступать в браки с ирландцами, носить ирландскую одежду, отдавать вскармливать детей в ирландские семьи. Бок о бок жили люди, у которых национальная и социальная вражда сочеталась с личным озлоблением.

Ирландия стала для англичан пробным камнем для религиозных обоснований колонизации. По их мнению, ирландцам не доставало цивилизованности: они не возделывали почву регулярно, установленным образом, их сексуальные нравы были отвратительны. Ирландцы «немногим лучше в своих нравах, чем самые дикие индейцы». «Они такие бесчеловечные и неподобающие люди, что мы сначала должны примирить их с нашей естественной человечностью и с их собственным разумом, перед тем как надеяться обратить их в истинную веру», – писали английские современники [2, с. 40].

Наличие в непосредственной близости от Англии очага католической опасности в лице Ирландии серьезно влияло на состояние идентичности англичан. Над несколькими поколениями тяготел кошмарный сценарий возможного вторжения в Англию армии ирландских католиков, поддерживаемых католическими государствами Европы, с целью ниспровержения английской Реформации. В 1630-е гг. эти страхи подогревались ирландской политикой Карла, когда его администрация наряду с проведением политики «плантаций» подписывает широковещательные прокламации о человеческом достоинстве ирландцев. Тогда же, в 30-е гг., усилиями лорда-наместника Ирландии Уэнтворта (будущего графа Страффорда) там удалось создать послушную боевую силу. В условиях шотландского вторжения в Англию в 1639 г. у приближенных Карла I возникла мысль о возможности использовать ирландцев для отпора шотландским ковенантерам. Идея эта принадлежала Страффорду [3, с. 170], что впоследствии стоило ему жизни.

Таким образом, значительная часть английского общества предреволюционной поры все менее идентифицировала себя с абсолютизмом как объединяющей страну идеологией и все более была подвержена страхам перед католическим заговором, который, казалось, мог лишить Англию истинной веры и независимости. Но требовалось осмысление этих новых религиозных, политических и иных воззрений политической элитой, а также пропаганда этих воззрений, чтобы данные умонастроения стали основой новой идентичности.

Некоторые английские писатели того времени, развивая идеи, высказанные еще в начале XVII в., искали отправную точку предвосхищаемой ими новой свободы в традициях английского обычного права, противопоставляя их законам нормандских завоевателей, разрушивших все английские свободы. Они создали легенду о нормандском иге, апеллирующую ко временам свободных англосаксов, живших до того, как завоевание 1066 г. установило правление чужеземных королей и лендлордов. Теория о нормандском иге была реакцией на изменения в аграрном строе, происходившие в XVI и начале XVII вв., и порожденное ими социальное напряжение. В сочинениях многих авторов XVII в. – от Уинстенли до Милтона – легенда о нормандском иге так или иначе присутствует, будучи направлена против монархии или аристократии. Самые популярные лозунги сторонников парламента, ратовавших за «Доброе Старое Дело Англии», были взяты из теории нормандского ига.

Но гораздо более важным, чем эта попытка реинтерпретации прошлого, было стремление к будущему, к новому видению национальной идеи, которая несла бы послание всему человечеству и подразумевала бы свободу и равенство каждого индивида. На пути к этому универсализму, основанному на свободе и разуме, англичанам суждено было стать лидерами.

Универсалистская тенденция играла значительную роль в самосознании широких слоев населения в эпоху Английской революции. Им суждено было стать совершенно новым народом, «вновь рожденным народом», созданным из пуритан и сектантов, из англичан, шотландцев и евреев, из всех, кто обладал праведными намерениями, «благочестивым народом» [5, р. 82]. Это было сообщество, в большей степени определенное не кровью, но верой. «Избранные святые» английского пуританизма не были ограничены национальностью. По образному выражению одного из исследователей, «Англия стала народом книги, и этой книгой была Библия» [8, р. 455].

Это новое чувство свободы нашло свое выражение в сочинениях величайшего поэта Англии XVII в. Джона Милтона. Милтон считал себя «одним из тех, на кого возложено бремя... сочинения великой поэмы, доктринальной для нации» [9, р. VII]. Милтон писал: «Я видел, что открывается путь для установления подлинной свободы; что закладывается основание для освобождения человека от ига рабства и суеверия; что принципы религии, которые были первыми предметами нашей заботы... будут оказывать благотворное влияние на нравы и конституцию государства» [12, р. 11].

В 1644 г. в «Речи о свободе печати» он писал: «Свобода – вот кормилица всех великих талантов: она, подобно наитию свыше, очистила и просветила наши души; она сняла оковы с нашего разума, расширила его и высоко подняла над самим собой. <...> Дайте мне поэтому свободу знать, свободу выражать свои мысли, а самое главное – свободу судить по своей совести» [2, с. 43]. Эту новую свободу Милтон видел в английском народе его времени. «Лорды и Общины Англии! – восклицал он. – Подумайте, к какой нации вы принадлежите и какой нацией вы управляете: нацией не ленивой и тупой, а подвижной, даровитой и обладающей острым умом; изобретательной, тонкой и сильной в рассуждениях, способной подняться до высочайших ступеней человеческих способностей», нацией пророков, мудрецов и достойнейших мужей, в которой «весь Божий народ становится пророками» [Там же, с. 44].

Милтон отождествлял дело английского народа с делом индивидуальной свободы, свободы совести и достоинством разума. Он желал, чтобы парламент распоряжался всеми сферами жизни возрожденной

нации. Это наполнило английский народ совершенно новым сознанием, чувством, что он является носителем истории и строителем собственной судьбы в великий момент, с которого должна начаться новая, истинная Реформация. Впервые авторитарной и аристократической традиции, на которой основывались церковь и государство, был брошен вызов от имени свободы человека. В этом смысле Английская революция была синтезом кальвинистской этики и нового оптимистического гуманизма.

Если Милтон может рассматриваться как представитель идей пуританской революции, то Кромвель воплощал эти идеи в жизнь. Он более, чем любой другой, пробудил сознание английского народа как избранного народа и неслучайно был прозван «самым типичным англичанином всех времен» [13, р. XIX]. Его религиозный энтузиазм усиливался реальными достижениями, которые трактовались как «видимые благословения, ниспосланные на Англию» в то время: установление союза с Шотландией, завоевание Ирландии, расширение колониальной империи, развитие торговли, рост мощи флота.

Английский народ в этот период истории был для Кромвеля, как и для Милтона, «новым Израилем». «Железнобокие» Кромвеля шли на битву, вдохновленные гимнами и песнями из Ветхого Завета. Карманная солдатская Библия, напечатанная в 1643 г., содержала почти исключительно цитирования из Ветхого Завета. В своей первой речи к Малому парламенту в 1653 г. Кромвель обращался к его членам: «Истинно призваны вы ... править с Ним (Богом) и для Него... “Этот народ, – сказал Бог, – я образовал для Себя, он будет возвещать славу Мою” (Исайя. 43:21). Я утверждаю, что это знаменательный отрывок, Бог обращает его к каждому из ваших сердец!» [14, р. 290; 15, р. 11-13].

Национальные идеи, которыми руководствовался Кромвель, имели и светскую сторону. В 1656 г. он говорил, что в то время как «главным интересом (Бога) является Его Церковь... его основной интерес... – забота о живущих людях. Кромвель боролся за «свободу индивидуальной совести» в религиозных делах, за «истинную свободу Христианина», свободы религиозные и гражданские шли у него рука об руку. Свобода совести и свобода подданных в равной мере ценны для него. В 1657 г. он указывал на «две величайшие заботы Бога в мире. Одна, та, которая касается Религии... другая – ... Гражданская свобода и интерес нации» [14, р. 509, 358; 15, р. 30f, 172f]. Кромвель был убежден в том, что англичане вступают в новую и великую эру, не имеющую параллелей в прошлом со времен Израиля, что они «народ, имеющий на себе печать Бога». Он вновь и вновь напоминал парламенту о «народе, выведенном из Египта ... к Ханаану», который «из-за неверия, ропота, томления» скитался много лет по пустыне, «прежде чем пришел к месту успокоения». «Свобода» в смысле индивидуальной свободы и «судьба» в смысле стремления к счастью – именно это Английская революция предполагала установить в Англии и нести как послание другим нациям.

Основные конституционные события Английской революции хорошо известны, поэтому мы лишь кратко напомним о них. Более ста лет Тюдоры и Стюарты правили Англией как абсолютные монархи – Тюдоры весьма успешно, Стюарты – не слишком. Правление Карла I было особенно несчастливим. С 1629 по 1640 г. он ни разу не созывал парламент. Джентри и купцы жаловались на чрезмерные королевские поборы для ведения непопулярных войн. Религиозные неконформисты подвергались преследованиям и «бежали из Англии, словно из Вавилона». Королевское (беспарламентское) правление было усилено так называемыми «прерогативными судами» Звездной палаты, Высокой комиссии и другими, учрежденными Тюдорами и неукоснительно исполнявшими волю короля. Но даже судьи по общему праву более древних судебных инстанций – Королевской скамьи, Общих тяжб и Казначейства – с юрисдикцией в основном по тяжким уголовным преступлениям и земельному праву были целиком во власти короля: он мог в любую минуту сместить их, а то и заточить в Тауэр.

В ноябре 1640 г. Карл I наконец созвал парламент. Его лидеры, в основном пуритане, захватили власть. В стране разразилась гражданская война между сторонниками парламента и сторонниками короны. Была установлена пуританская республика. В 1649 г. Карл I был обвинен в предательстве и казнен. Но после смерти Оливера Кромвеля в 1658 г. правлению пуритан пришел конец. В 1660 г. старший сын Карла I вернулся в Англию и вззошел на престол под именем Карла II. Это было названо «реставрацией», но, по сути, это была следующая фаза революции. Наконец, в 1688 г., когда Яков II (брат Карла II) попытался сосредоточить в своих руках власть, подобную той, какой пятьдесят лет назад обладал его отец Карл I, парламент заставил его отречься и посадил на трон новую династию. Это было названо «Славной революцией», которая завершила почти пятидесятилетний период острой социальной борьбы и установила систему конституционных ограничений королевской прерогативы, сохранившуюся до XX в.

Такова принципиальная схема важнейших политических событий Английской революции 1640-1689 гг., понимание которых во всей их полноте невозможно без анализа происходивших в то время религиозных перемен, к анализу которых мы теперь обратимся.

Английские пуритане были последователями французского реформатора Жана Кальвина. В середине 30-х гг. XVI в. Кальвин основал протестантскую религиозную общину, распространившую свое влияние на всю Женеву. Он и его последователи разделяли многие богословские доктрины, которые провозглашал тогда Мартин Лютер. Они отрицали власть римской церкви и верили в первенство Библии. Они принимали, хотя и с некоторыми поправками, лютеранскую доктрину двух царств, оправдания одной только верой, врожденной порочности человека, предопределения, святости всех верующих и христианского призвания. Также Кальвин и его последователи особо подчеркивали верховную власть Бога и провиденциальный характер истории человечества.

Кальвинистская концепция церкви, однако, существенно отличалась от лютеранской. По Лютеру, церковь, как институт зримый, должна быть организована по территориальному принципу под светским

руководством территориального правителя, князя. Князя сам Бог назначает управлять институциональными делами церкви в своем государстве – не вопросами веры и учения, но вопросами ее правовой структуры, ее политической, экономической и социальной деятельностью. Церковь – не законодательный орган: церковное право есть просто право светского правителя, по которому вершатся светские дела церкви. Кальвин и его последователи, напротив, рассматривали церковь в ее зримом, институциональном аспекте как состоящую из политически независимых местных конгрегаций со своим избранным пастырем и старейшинами, а также со своими собственными юридическими полномочиями. Юридические полномочия местной конгрегации или синода местных конгрегаций должны уравнивать полномочия светских властей и могли даже превышать их. Кальвинистские церкви имели собственное право, которым регулировалось не только вероучение и богословские доктрины гражданского общества, но и его мораль, включая многие аспекты политики, экономики и социальной жизни. В отличие от Лютера, Кальвин, который сам получил юридическое образование, тщательно разработал философию светского права. Он, по сути, обогатил новой теорией «двух мечей» лютеранскую доктрину «двух царств» [1, с. 112-118].

Большинство английских кальвинистов в течение столетия, предшествовавшего 1640 г., не оспаривали власти английской короны над церковью в Англии, не стремились они и увести своих последователей от англиканской церкви. Наоборот, они пытались реформировать английскую церковь изнутри. Они проникали в ряды англиканского духовенства и с этой выгодной позиции критиковали англиканскую обрядность, отвергали англиканский «Общий молитвенник» (Book of Common Prayer), отрицали иерархический авторитет епископата и проповедовали право и обязанность каждого верующего читать и интерпретировать Священное Писание. Не стоит и говорить, что они с самого начала были принципиальными оппонентами не только для англиканской церкви, но и для короны, чей авторитет в значительной степени покоился на ее главенстве над церковью.

И все же, несмотря на некоторые репрессивные меры, ни монарх, ни его епископы по-настоящему не пытались избавиться от кальвинистов. Одна из причин состояла в том, что пуритане являлись стойкими противниками католицизма и были нужны короне в ее борьбе с папством и его испанскими и французскими сторонниками. По той же причине корона была нужна пуританам. Более того, пуритане были преданными патриотами, служившими Англии в качестве мировых судей, членов парламента и на многих иных поприщах. К тому же позиции кальвинизма были очень крепки среди небогатой аристократии, ремесленников и купцов – социальных слоев, которые не имели влияния при королевском дворе, но с которыми тем не менее приходилось считаться. Наконец, хотя официальные круги и порицали крайности пуританского вероучения и чрезмерное рвение его сторонников, многие кальвинистские принципы были ими усвоены. В 1590 г., когда развернулась мощная кампания против пуритан, ее существенно сдерживал тот факт, что возглавлявший ее архиепископ Уитгифт считал себя, по крайней мере отчасти, кальвинистом в богословских вопросах. Благодаря этому пуританизм пережил не только кампанию архиепископа Уитгифта, но и уже упоминавшуюся более суровую кампанию архиепископа Лоуда в 30-е гг. XVII в.

Очевидно, что существовало нечто в пуританской вере, что помогло бы объяснить, как пуритане сумели возглавить парламент в 1640-1641 гг., мобилизовать пропарламентские, антироялистские силы в 1642 г., а затем повести армию мятежников и установить революционное правление; нечто, что помогло бы понять, каким образом пуританам удалось реформировать английскую систему государственного управления и права.

В этой связи некоторые элементы пуританизма заслуживают особого упоминания. Во-первых, пуританский взгляд на историю. Английские пуритане (при всех различиях между многочисленными ответвлениями, сектами, даже конгрегациями) придерживались общей веры в то, что человеческая история находится целиком в Божьем промысле, что это вовсе не мирская история борьбы человека за достижение своих целей, но, скорее, духовная история раскрытия божественного предначертания, в которой человек является орудием Бога. Более того, осознавшие свою религиозную идентичность английские пуритане XVII в., исполненные веры в божественное провидение, считали Англию богоизбранной страной, которой было предначертано открыть и воплотить божественную миссию человечества.

Во-вторых, английские пуритане видели в радикальных реформах богоугодное дело. Они верили, что Бог желал и завещал реформацию мира. «Дух всего творения, – писал один из ведущих пуритан, – говорит о реформации всего мира». «Реформа всех мест, всех людей и всех поприщ, – требовал другой в палате Общин в 1641 г., – реформируйте суды магистратов нижнего уровня... Реформа университетов, реформа городов, реформа графств, реформа начальной школы, реформа Субботы, реформа обрядов, реформа веры в Бога. Всякое растение, которое не посадил Отец мой небесный, должно быть вырвано с корнем» [Там же, с. 116].

В-третьих, пуританская концепция реформации мира придавала особое значение праву как инструменту реформации. В 40-е и 50-е годы XVII в., в период особого могущества пуритан, появилось более тысячи разнообразных памфлетов, призывавших к различным правовым реформам. Это неумное стремление к реформе права отражало глубокую религиозную веру в Бога закона, которая вдохновляет своих последователей воплотить его волю в правовых, юридических формах. Кальвинизм подчеркивал дидактическую, или педагогическую, роль права, то есть его применение для наставления верующих на благочестивый жизненный путь. Кальвин писал, что, помимо внушения людям их греховности и призыва к покаянию (лютеранское «богословское» применение права) и помимо отвращения непокорных от неправедных поступков угрозой наказания (лютеранское «гражданское» применение права), есть «третье и основное применение, которое, наверное, теснее всего соотносится с истинным назначением права» и которое «находит свое место среди верующих, в чьих сердцах Дух Господень уже живет и правит». Право помогает таким верующим лучше познать божественную волю и побуждает их к послушанию.

Разумеется, Кальвин не разделял старого католического понимания закона как чего-то изначально данного, неотъемлемой части самой природы и существования Бога. Право для кальвинистов, как и для лютеран, было частью земного царства греха и тлена, а не небесного царства милосердия и радости. Законопослушание не воспринималось в качестве формулы поведения, необходимой для вхождения в небесное царство. Закон был установлен и завещан Богом, но воспринят и выражен человеком с его порочной волей и слабым разумом. Для Кальвина, как и для Лютера, право было чем-то, что имеет различные применения. Однако Кальвин и английские пуритане (в большей степени, чем Лютер) подчеркивали позитивную роль нравственного закона (Кальвин идентифицировал его с естественным нравом) и гражданского права в наставлении людей на стезю, предначертанную им Богом.

Четвертый элемент пуританской системы веры, повлиявший на правовую реформу, – это ее социальная сторона. Конечная цель закона, согласно Кальвину и его последователям, не только в том, чтобы помочь каждому христианину соблюдать праведную жизнь, но и в построении общины праведников. Конгрегация верующих должна быть «светом всем народам мира», «градом горним». Пуританизм по Кальвину был, по сути, общинной религией. Каждый несет ответственность за всех, и все ответственные за каждого. Нарушение завета, заключенного с Богом, одним членом коллектива – будь то семья, церковь или нация – влечет наказание для всех его членов.

Пятое звено в цепи, связывающей пуританскую идеологию с пуританской политической философией и философией права, – упор на тяжелый труд, суровость жизни, бережное отношение ко времени и деньгам, добропорядочность, дисциплину, профессиональные устремления, неотступную заботу индивидуума о совершенствовании себя, ближнего, общества. Эта пуританская этика покоилась на определенных религиозных установках. Пуритане воспринимали свою жизнь как часть откровения божественного замысла о мире. Терять время – значит дурно служить Богу. Напиваться или играть в карты, проводить время в дурном обществе – значит отвлекаться от размышлений о божественном предназначении своей жизни. Поэтому жизнь для пуританина определялась множеством правил. Его мораль была правовой моралью, и он неизбежно распространял ее на местную общину и всю нацию.

Последний и наиболее тесно связанный с Английской революцией принцип – это основной кальвинистский принцип управления, заключавшийся в том, что выборное правление в лице лидеров общины, то есть «старейшин», «низших магистратов», лучше, чем единоличное правление, то есть правление короля или князя. Кальвин писал, что лучшая форма правления – это либо «аристократия, либо система, сочетающая аристократию и демократию», какую «Господь установил среди народа Израиля». Богословской основой этой теории ограниченной аристократии было учение о греховности человека, его сугубом эгоизме и властолюбию. «Надежнее, – писал Кальвин, – отправлять власть многим так, чтобы... если один проявит себя дурно, нашлось много блюстителей и учителей, могущих противодействовать его... своеволию» [Там же, с. 118].

Эта мысль лежала и в основе кальвинистского учения о королевской власти, с тираническими проявлениями которой призваны бороться низшие магистраты как лидеры и защитники общины, ибо им самим Богом назначено «противостоять жестокому своеволию королей». Так реформаторское рвение может вести к революции, которая, однако, должна быть ограничена аристократическими коммуитарными принципами. Хотя сам Кальвин предпочитал умалчивать о своем отношении к тирании, его последователи по всей Европе в следующем веке провозгласили сопротивление ей основной религиозной доктриной.

Таким образом, религиозные и правовые представления в эпоху ранних Стюартов существенным образом влияли на формирование английской идентичности, которая формировалась не только (а зачастую и не столько) по признаку крови, но, скорее, по степени лояльности к существующей политической организации и способу восприятия (или неприятия) прерогативных полномочий английской короны. Именно это разобщение привело к драматическому расколу английского общества на сторонников парламента и короля. В конечном итоге такие представления способствовали существенному ограничению прерогативных полномочий английской короны и формированию конституционной монархии в Англии.

Список литературы

1. Берман Г. Дж. Право и вера в трех революциях // Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008.
2. Макарова Е. А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005.
3. Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. М., 1937.
4. Akrigg G. P. V. Introduction // Letters of King James VI and I. Berkeley, 1985.
5. Barker E. Oliver Cromwell and the English People. London, 1937.
6. Coward B. The Stuart Age. London, 1994.
7. Davis N. The Isles: a history. L., 1999.
8. Green J. R. A Short History of the English People. L., 1985.
9. Grierson H. J. C. Milton and Wordsworth, Poets and Prophets. N.Y., 1937.
10. Hibbard C. Charles I and the Popish Plot. North Carolina U.P., 1982.
11. King James VI and I: Political Writings / ed. J. P. Sommerville. Cambridge, 1994.
12. Milton's Prose / ed. by M. W. Wallace. Oxford, 1925.
13. Speeches of Oliver Cromwell / ed. and introd. by I. Roots L., 1989.
14. The Writings and Speeches of Oliver Cromwell: in 4 vols. Cambr., 1937-1947. Vol. II.
15. Ibidem. Vol. III.

LAW, RELIGION AND IDENTITY AS THE FACTORS OF ROYAL PREROGATIVE RESTRICTION IN ENGLAND OF THE XVIITH CENTURY

Viktor Viktorovich Klochkov, Ph. D. in History
Department of Law Theory
Taganrog Technological Institute of South Federal University
vikklochkov@mail.ru

The article is devoted to considering legal and religious ideas as the important factors of English identity formation and the English crown prerogatives restriction in the XVIIth century. The author analyzes the Stewarts' image in public opinion of the epoch and known public figures' views on the royal prerogative. Special attention is paid to Puritans' views (as the representatives of one of the most impressive and influential Protestant trends) on history, law, labor and public management.

Key words and phrases: royal prerogative; Stewarts' dynasty; Puritans; England in early New Time.

УДК 93/94

Статья раскрывает характер и проблемы реорганизации управления водным транспортом России как неотъемлемой части экономической и военной системы страны, сложившейся в период национализации речного и морского флота. В рамках поставленной проблемы необходимо выявить: место и роль водного транспорта страны в период национализации торгового флота России; процессы реорганизации управления на водном транспорте в годы национализации торгового флота.

Ключевые слова и фразы: национализация; реорганизация управления; водное хозяйство; водный транспорт.

Худайберды Нурьевич Комеков

Кафедра «Отечественная история, социология и политология»

Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций

berdy86@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ РОССИИ В ПЕРИОД НАЦИОНАЛИЗАЦИИ МОРСКОГО И РЕЧНОГО ФЛОТА[©]

Изучение проблем, сложившихся в ходе реорганизации управления водным транспортом России, требует определения состояния водного транспорта, характера реорганизации и продолжительности периода национализации на водном транспорте.

Данная проблема наиболее полно отражена в работах В. В. Денисова, М. С. Глинки, А. Е. Клопотного и других ученых. При написании статьи были использованы материалы научно-практических конференций, посвященных водному транспорту.

Оценивая место и роль водного транспорта страны в ходе его национализации, проходившей в период с ноября 1917 г. по июнь 1920 г., мы, прежде всего, должны понимать, что водный транспорт, наряду с железнодорожным, являлся неотъемлемой частью экономики страны, обеспечивающей пассажирские и грузовые перевозки. Россия обладала широкой сетью внутренних водных путей: к 1918 году их протяженность составила 64,9 тыс. км, на них приходилось 22,9% грузооборота страны. Причем лишь 35 тыс. км внутренних водных путей были пригодны для судоходства. В годы войн страна лишилась значительной части судов водного транспорта. Торговые суда активно участвовали в воинских перевозках, совершали плавания в зонах боевых действий, подвергаясь при этом нападениям противника, как и боевые корабли. Огромные потери понес транспортный флот в ходе Первой мировой и Гражданской войн, отделивших старую Россию от Советской. Из 1 120 пароходов, имевшихся на 1 января 1915 года, в 1921 г. в стране осталось 220 судов [6, с. 34]. В подобной ситуации назрела необходимость развития водного транспорта, важнейшим способом реализации которого послужила национализация водного хозяйства страны.

Первым шагом на пути национализации торгового флота явился декрет Совнаркома от 24 ноября 1917 г. «О воспреещении продажи, заклада и отдачи под чартер – партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений» [2, с. 69]. Это решение Советского правительства резко ограничило права частной собственности на суда. Все сделки по передаче русских судов за границу, заключенные после 1 августа 1914 г. (день объявления Германией войны России), признавались недействительными. Запрещалось выводить из страны суда, проданные, заложенные и законтрактованные по таким сделкам.

К моменту окончания Октябрьской революции в марте 1918 г. организацией управления на водном транспорте России занимались два смежных органа: Управление внутренних водных путей при Министерстве путей сообщения и Отдел торгового мореплавания и торговых портов при Министерстве торговли и промышленности.

22 апреля 1918 г. был принят декрет Совнаркома «О национализации внешней торговли». По декрету о национализации подлежали передаче государству 947 морских судов общей вместимостью около 0,5 млн рег. т. Их изъятие у акционерных обществ, паевых товариществ, торговых домов и крупных